

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2010 г. С.А. Мельников¹

Рассмотрение проблемы генезиса и содержания древнерусского наследственного права ставит перед необходимостью найти ответы на два основополагающих вопроса: какая из двух форм наследования – по завещанию или закону носила на Руси первичный характер, а какая появилась позже? Являлся ли существовавший порядок результатом эволюции древнерусского права или рецепции норм права других государств, и в первую очередь Византии?

Проблеме соотношения наследования по завещанию и по закону посвящена обширная литература, преимущественно XIX – начала XX вв. Вопрос в основном рассматривался в плоскости наличия или отсутствия свободы завещательной воли. В этом смысле показательным названием работы Н.Н. Товстамеса “Свобода завещательной воли по русскому праву в различные периоды его развития”².

С этих позиций можно выделить два основных подхода. Одна группа исследователей с некоторыми нюансами утверждала, что наследодатель обладал фактически полной свободой в выборе наследника. Наиболее рельефно данную точку зрения выразил В.И. Сергеевич: “Дети получали имущество родителей не потому, что имели на него право, а потому, что такова была воля родителей. Если такой воли не было, все имущество могло быть отказано помимо детей: церкви, жене, даже посторонним лицам”³. Этот взгляд фактически подразумевал приоритет наследования по завещанию по отношению к наследованию по закону. Более того, П.П. Цитович справедливо заметил, что сторонники этой точки зрения исходят из предположения, что ростки неограниченной свободы завещания существовали изначально и лишь потом были ограничены законодательно⁴.

Другие утверждали, что наследодатель имел право лишь санкционировать в завещании раздел наследственной массы только между теми лицами, которые являлись наследниками по закону. В результате первичным оказывалось наследование по закону (обычаю). Об этом писал Л. Руднев: “Свободное завещание не могло существовать в ту эпоху, когда действовало обычное право, занесенное в Русскую правду. Это потому, что свободное завещание предполагает признание личности и ее прав, а личность в эту пору еще не выделилась и затеряна в семье”⁵.

При этом нетрудно заметить, что все исследователи, несмотря на принципиальные разногласия, допускали существование обоих способов наследования.

Попробуем рассмотреть этот вопрос на конкретном фактическом материале. Свод известий о наследовании в Древней Руси вплоть до второй половины XIV в. весьма невелик. Наиболее ранние сведения о наследовании имущества в древнерусском обществе встречаются в труде арабского писателя Ахмеда ибн-Фадлана, который принимал участие в посольстве арабского халифа в Волжскую Болгарию в 921–922 гг. По словам ибн-Фадлана, имущество умершего знатного руса наследуется следующим образом: “Что касается богатого, то собирают то, что у него имеется, и делят это на три трети, причем (одна) треть – для его семьи, (одна) треть на то, чтобы на нее скроить для него одежды, и одна треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют...”⁶. Из приведенного фрагмента очевидно, что в данном случае речь идет о наследовании на основе норм обычного права. При этом возможность передачи наследственной массы по завещанию, видимо, отсутствует. Трудно также предположить, осуществлялось ли универсальное правопреемство или речь идет только о передаче вещных прав на имущество умершего.

¹ Доцент кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук.

² См.: Журнал Министерства юстиции. 1902. № 8.

³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894. С. 541.

⁴ См.: Цитович П.П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 7–8.

⁵ Руднев Л. О духовных завещаниях по Русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1894. С. 28.

⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг., Харьков, 1956.

Почти одновременно с этим свидетельством появился договор Руси с Византией, заключенный по итогам похода князя Олега в 911 г.

В договоре, дошедшем до нас в составе “Повести временных лет”, есть по меньшей мере три статьи, в которых присутствуют нормы, регулирующие наследственные правоотношения.

“Отъ работающихъ Грецехъ Роусию хрестыанскаго царя. Аще кто оумреть не оурядивъ своего имениа, к малымъ ближикамъ въ Русь да возвратитъ имение, аще своихъ не имать. Аще ли створитъ обряжение, да таковойъ възметъ оуряженое его; комоу будетъ писалъ наследити имение, да наследитъ е.”⁷.

В данном случае мы имеем приоритет наследования по завещанию. При этом только отсутствие завещания “обряжения” (по терминологии договора) способно привести в действие механизм наследования по закону. Предпринимались попытки даже реконструировать круг наследников по закону. Для этого “малые ближики” отождествлялись с наследниками по нисходящей линии. Однако П.П. Цитович убедительно показал, что это буквальный перевод византийских юридических выражений, означающих боковых родственников (*sui*, *proinqui*, *proxiimi*)⁸. Следовательно, вряд ли стоит видеть в приведенной статье договора то, чего там нет.

Суммируя выводы, содержащиеся в многочисленных исследованиях, можно обозначить принципиальные для нас подходы к формальной и содержательной сторонам договора, и в частности к нормам о наследовании.

Во-первых, практически не вызывает сомнений факт первоначального составления оригинала договора на греческом языке⁹.

Во-вторых, была выдвинута очень интересная мысль о том, что договор 911 г. был типичным хрисовулом византийского императора. Важно заметить, что хрисовулы вручались другой стороне договора в столице Византии без предварительных переговоров¹⁰. Следовательно, он содержал преимущественно обязательства только византийской стороны¹¹.

В-третьих, Н. Лавровский, сосредоточивший свое внимание на выяснении византийского влияния на договор, нашел следы прямого присутствия текста нормы Законов XII таблиц в статье договора о наследовании: *si investato moritur agnatus proximus familiam habeto*¹². В.Н. Никольский, в свою очередь, полагал, что интересующая нас статья – “буквальный перевод греческого подлинника”¹³.

В-четвертых, П.П. Цитович обратил внимание на то, что нормы о наследовании касались той категории русских, которые находились на службе императора. Следовательно, цель этой статьи договора состояла в том, чтобы оградить имущество умершего русского от претензий византийского фиска, которому оно подлежало как имущество варвара¹⁴.

В связи с этим практически очевидно, что в случае с наследственными нормами договора 911 г. мы имеем дело с конструкцией, отражавшей реалии византийского права и предназначенной для использования на территории империи. Договор был написан в Византии на греческом языке и потом переведен на древнерусский. Безусловно, нет никаких оснований полагать, что в тексте договора нашел отражение древнерусский порядок наследования. Скорее для того, чтобы понять, какой предусматривался механизм наследования, уместно было бы обратиться к V и VI титулам Эклоги.

Далее представляется целесообразным рассмотреть сведения о наследовании, которые имеются в ряде источников, относящихся к домонгольскому периоду.

Краткая редакция Русской правды вовсе не включает норм, регулирующих наследственные правоотношения. Краткая правда – сложный по составу документ. Первые 10 статей образуют так называемую Древнейшую правду. Более поздняя часть, Правда Ярославичей, по обоснованному мнению М.Н. Тихомирова, была составлена около 1072 г.¹⁵ Краткая правда представляет собой кодифицированный акт, который сложился в конце XI – начале XII вв. Для нас принципиально другое. Сам факт отсутствия в тексте памятника статей, посвященных наследованию, приводит к убеждению, что в период его составления на Руси

⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. С. 32–37.

⁸ См.: Цитович П.П. Указ. соч. С. 20.

⁹ См.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 149–154.

¹⁰ См.: Капитанов С.М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 213.

¹¹ См.: Димитриу А. К вопросу о договорах русских с греками // В кн.: Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 533–536.

¹² См.: Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1854.

¹³ Никольский В.Н. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859. С. 223.

¹⁴ См.: Цитович П.П. Указ. соч. С. 21.

¹⁵ См.: Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953. С. 21.

наследование осуществлялось в соответствии с нормами обычного права. Такой подход в принципе соответствовал практике, существовавшей в раннем праве большинства древнейших государств. Наследование по закону имело в то время приоритет, и этим гарантировалось, что имущество остается в семье. Такие нормы встречаем в Законах XII таблиц, Капитулярии Хильперика¹⁶ и др.

Возникает закономерный вопрос о знакомстве древнерусского общества с наследованием по завещанию. Ряд свидетельств и источников в целом позволяет ответить на этот вопрос положительно.

Перечень таких источников включает следующие памятники древнерусского права:

1. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных;
2. Устав князя Ярослава о церковных судах;
3. Пространная редакция Русской правды.

Время появления Устава князя Владимира составляет предмет научной дискуссии. Е.Е. Голубинский относил его к XIII в., а известный специалист по древнерусскому каноническому праву А.С. Павлов – к XIV в.¹⁷ Специальное исследование посвятил древнерусским княжеским уставам Я.Н. Шапов. Сличение большинства известных списков памятника привело его к заключению, что архетип Устава князя Владимира сложился в середине – второй половине XII в. Возможна связь составления архетипа с борьбой князя Андрея Боголюбского за перенесение церковного центра из Киева во Владимир и постройкой церкви Богородицы в 1158 г.¹⁸ В тексте Устава нас интересуют две статьи.

Первая перечисляет категории дел, подсудных церковному суду. Устав, между прочим, относит к таким делам споры о наследстве: “или братиа, или дети тяжются...”¹⁹.

Возникает вопрос о времени появления статьи в целом и этой категории дел в Уставе. Я.Н. Шапов

пришел к выводу, что в перечне церковных судов можно выделить два слоя. Первый, древнейший, включал исключительно брачные дела (разводы, двоеженство, осужденные церковью формы брака, изнасилование) и сложился очень рано, еще в начале XI в. (до кончины византийской жены князя Владимира – княгини Анны в 1011 г.). Второй слой, в который и входила интересующая нас норма, появился в середине или второй половине XII в.²⁰

Если говорить о содержательной стороне вопроса, то следует обратить внимание на следующее. Во-первых, практически очевидно, что речь идет о спорах, возникающих в результате наследования по закону (обычаю). Именно такой раздел наследственной массы мог породить конфликты, которые необходимо было урегулировать в судебном порядке. Либо это может свидетельствовать о том, что юридическая сила завещательных распоряжений была настолько невелика, что это приводило к конфликтам между наследниками.

Во-вторых, казалось бы, различие в статье детей и братьев позволяет предполагать сложный состав наследников по закону, включающий в качестве наследников первой очереди братьев, а в качестве второй очереди – детей наследодателя. Однако в архетипе, реконструированном на основе древнейших списков, речь идет о сыновьях умершего, наследующих по закону²¹.

Вторая статья касается людей, отнесенных к юрисдикции церкви. Время появления этой части Устава – вопрос более сложный. Дело в том, что почти до второй половины XII в. перечень существовал в качестве отдельного памятника – “Правила о церковных людях” и лишь на последнем этапе был включен в архетип²².

В ст. 10 Устава Владимира в числе других лиц отнесенных к церковной юрисдикции, упоминается “задушный человек”²³. По мнению большинства исследователей, здесь имеется в виду холоп, переданный церкви по завещанию. Однако интересные результаты дает сопоставление данных Устава со ст. 92 Пространной правды: “Аще кто оумирая разделить домъ свои детемъ, на том же стояти; паки ли безъ ряду оумреть, то всемъ

¹⁶ См.: Социальная история средневековья / Под ред. Е.А. Косминского и А.Д. Удальцова. Т. 1. М., 1927. С. 109.

¹⁷ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Полут. 1. М., 1999; Павлов А.С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902.

¹⁸ См.: Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 133; Юшков С.В. Исследования по истории русского права. Вып. 1. Устав князя Владимира (Историко-юридическое исследование). Саратов, 1925.

¹⁹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 18–19.

²⁰ См.: Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 125–127.

²¹ См.: там же. С. 121.

²² См.: Шапов Я.Н. Правило о церковных людях // В кн.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 72–81.

²³ Древнерусские княжеские уставы. С. 19.

детемъ, а на самого часть дати души”²⁴. Из этой статьи очевидно, что церковь фактически являлась обязательным наследником и в случае наследования по закону. В этом контексте понятно, что “задушный человек” мог передаваться церкви и при наследовании по закону.

Следовательно, на основании данных, полученных в результате анализа Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных мы можем предположить, что во второй половине XII в. господствующей формой наследования было наследование по закону (обычаю). При этом основными, если не единственными наследниками являлись сыновья наследодателя.

Однако главным источником, на основании которого обычно делаются выводы о состоянии права наследования на Руси в древнейший период, являются соответствующие статьи Пространной правды.

Прежде чем перейти к содержательному анализу наследственных статей Пространной правды, необходимо определиться со временем их составления.

Во-первых, следует подчеркнуть, что это памятник сложной структуры. Во всяком случае в тексте присутствуют два заголовка “Суд Ярославль Володимерича” и “Устав Володимерь Всеволодовича”. Интересующие нас статьи о наследовании помещены почти в самом конце Пространной правды (ст. 90-95 и 98-106). В результате некоторые исследователи включали их в состав Устава Владимира Мономаха. Поэтому и датировка второй части памятника связывалась с вокняжением на Киевском столе Владимира Мономаха в 1113 г. По мнению С.В. Юшкова, Устав был составлен единовременно на совещании Владимира Мономаха с дружиной в селе Берестове. Конкретным поводом появления Устава Юшков считает необходимость установления социального мира после восстания в Киеве, вспыхнувшего после кончины Святополка Изяславича²⁵.

Следует согласиться с тем, что сам текст Устава возник в период княжения Владимира Мономаха в Киеве, вероятно, как ответ на восстание 1113 г.²⁶, однако это, в свою очередь, позволяет определить перечень статей, которые входили в Устав. Вполне логично, что Устав,

устраняющий непосредственные причины социальной напряженности, должен был содержать соответствующие нормы. При этом Владимир Мономах впервые, и притом довольно неожиданно, в нарушение права наследования получивший власть в Киеве, вряд ли имел готовый план законодательных преобразований по столь широкому кругу вопросов. Поэтому следует согласиться с мнением М.Н. Тихомирова о том, что в Устав Владимира Мономаха включались все статьи о закупах начиная со ст. 48 и заканчивая словами ст. 59: “А в мале тяже по нужи възложити на закупа”. При этом в Устав не входили статьи о потоплении купца, о долге, о холопе, ударившем свободного.

Следовательно, вполне уместно утверждать, что статьи Пространной правды начиная с 60, в том числе и по наследственному праву, были составлены позже 1113 г. Самый древний список Русской правды, дошедший в составе Кормчей книги, составленной в Новгороде по повелению великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, датируется временем около 1282 г. Однако очевидно, что в него Русская правда была переписана из другого источника. Остальные списки более позднего происхождения. Следовательно, наследственные статьи не могли появиться позднее этой даты.

Когда именно? П.В. Голубовский справедливо указывал на сходство некоторых статей Правды с договором Смоленска с Ригой 1229 г. М.Н. Тихомиров, поддержав эту точку зрения, обратил внимание на то, что особенно близок текст Пространной правды проекту договора половины XIII в. Сравнительный анализ текстов показывает, что редакции Правды носят первичный характер, свидетельствующий о том, что она появилась раньше проекта. Действительно, договор содержит близкую к Пространной правде терминологию. Это позволило Тихомирову сделать обоснованный вывод о возникновении Пространной правды в начале XIII в. Однако дальнейшие попытки сузить датировку за счет привязки ее к новгородскому восстанию 1209 г., вряд ли можно признать удачными. Это следует считать данью известной традиции все масштабные события связывать с актами классовой борьбы. Нет особых оснований связывать с событиями 1209 г. появление в кодексе многих статей, посвященных чисто гражданско-правовым вопросам или устанавливающих уголовную ответственность за отдельные виды бытовых преступлений.

Такой подход, однако, не ставит под сомнение выводы о составлении Пространной прав-

²⁴ Российское законодательство X–XIX веков. Т. 1. М., 1984. С. 70.

²⁵ См.: Юшков С.В. Русская правда: происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 332–333, 335.

²⁶ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М.-Л., 1953. С. 120.

ды в Новгороде. Действительно, в новгородской Кормчей книге 1282 г. текст Пространной правды присутствует, а в рязанской Кормчей 1284 г. и волынской Кормчей конца XIII в. – нет. Это свидетельствует о том, что даже к концу XIII в. данная редакция Русской правды была распространена только в Новгороде, а в других регионах малоизвестна.

В пользу такого мнения говорит почти полное отсутствие актов правоприменения либо частных актов, использующих нормы кодекса, в частности в области наследственного права.

Первое известное завещание – духовная грамота новгородца Климента датируется второй половиной XIII в. С позиции новгородского происхождения Правды появление первой духовной в Новгороде вполне логично. Самая ранняя сохранившаяся княжеская духовная – завещание Ивана Калиты. Основной массив завещаний относится уже к XIV–XVI вв. Единственное исключение из этого правила – духовная грамота, приписываемая преподобному Антонию Римлянину. Антоний скончался в 1147 г. Отсюда правовой акт датируется временем, ранее этой даты. Некоторые исследователи, в частности В.Л. Янин, относят грамоту к 1131 г. Однако относительно ее подлинности высказывались серьезные сомнения²⁷. С.Н. Валк обратил внимание на то, что во время рассмотрения земельного спора основанного Антонием монастыря с посадскими людьми в 1559–1560 гг. духовная не фигурировала. На этом основании он сделал весьма обоснованный вывод о возможной фальсификации завещания в XVI в., с которым, как представляется, следует согласиться.

Все это позволяет сделать вывод о составлении Пространной правды, включая статьи о наследовании в Новгороде, в первой трети XIII в.

После этих предварительных замечаний о времени и месте составления интересующей нас части Пространной правды уместно рассмотреть статьи памятника, непосредственно регулирующие наследственные правоотношения.

Открываются наследственные статьи Пространной правды ст. 90, посвященной наследованию смердов: “Аже смерд умереть, то задницю князю; аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будут за мужемъ, то даяти части им”. Анализ этой статьи позволяет сделать следующие выводы.

Очевидно, что речь идет о наследовании имущества только после смерти смерда (“Аже смерд умереть...”). Тем самым исключается возможность завещательного распоряжения этой социальной группы населения Киевской Руси.

Выморочным считалось имущество при отсутствии сыновей наследодателя. Показательно, что в ряде списков памятника добавлено: “Аже смерд умереть безажю” (без детей). Таким образом, из круга наследников по закону, вероятно, исключались братья и сестры, супруга, родственники по восходящей линии, замужние дочери. Лишь для незамужних дочерей закон предусматривал выделение части наследственной массы.

Имущество смерда, признанное выморочным, наследовалось князем. Полагаю, правы те исследователи, которые проводили параллели между нормой этой статьи и содержанием так называемого “права мертвой руки”, распространенного в западных системах феодального права. Это право подразумевало переход выморочного имущества крестьянина феодалу²⁸. По мнению К.А. Неволлина, исторически право на выморочное имущество включало также имущество бояр и дружинников, но потом Пространная правда закрепила за их дочерьми право на его наследование²⁹.

Некоторые исследователи, комментировавшие эту статью, отмечали, что определяющим для такого порядка являлась принадлежность к дому умершего³⁰. Куницын справедливо отмечал: “Закон имеет в виду продлить существование дома умершего в лицах, могущих быть его преемниками, тогда как жена и дочь принадлежат к дому как временные члены”³¹.

Следующая статья посвящена специфике наследования бояр и дружинников: “Аже в боярех любо в дружине, то за князя задниця не идетъ; но оже не будет сынов, а дщери возмуть”. Сопоставление двух статей вызвало определенную дискуссию относительно того обстоятельства, что Пространная правда устанавливает различный механизм наследования для отдельных социальных групп древнерусского общества. Большинство исследователей исходили из того, что наследова-

²⁸ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 136.

²⁹ См.: Неволлин К.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 343.

³⁰ См.: Рождественский Н. Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839. С. 33; Губе И. История древнего наследственного права у славян. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Т. I. М., 1845. С. 67–68.

³¹ Куницын А. О правах наследства лиц женского пола. Речь в Харьковском университете. Харьков, 1844. С. 73–74.

²⁷ См.: Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 110.

ние смердов, с одной стороны, и бояр – с другой, имело специфические особенности³². И.Д. Беляев основным критерием такого разграничения считал принадлежность наследодателя и наследников к сословию общинников или вотчинников³³. С таким подходом полемизировал П.П. Цитович. Он полагал, что в статье о наследовании смердов речь идет о наследовании выморочного имущества вообще, а в статье о наследовании бояр и дружинников разъясняется, как будет осуществляться наследование при наличии детей у наследодателя³⁴.

О круге наследников по закону можно судить только гипотетически. Ясно, что дочери, не вышедшие замуж к моменту открытия наследства, обеспечивались приданым за счет наследственной массы. Смысловой ряд статьи “сыновья – дочери” действительно может свидетельствовать о том, что круг наследников по закону включал только сыновей. Однако вразумительно объяснить, почему мы должны игнорировать прямые указания соответствующих статей Пространной правды, исследователь не смог.

Думается, дело в другом. Скорее всего из контекста двух статей следует, что законодатель хотел подчеркнуть то обстоятельство, что, в отличие от смердов, у бояр и дружинников выморочность имущества не наступает при отсутствии наследников мужского пола, что в этом случае наследуют дочери. Очевидно также, что речь идет о незамужних дочерях, так как ст. 95 (“Аже будут сестра в домоу, то тои заднице не имати...”) разъясняет, что на братьев при выдаче сестры замуж лишь возлагается обязанность обеспечить ее достойным приданым.

Следовательно, рассматриваемые статьи посвящены **только** наследованию выморочного имущества и ничему иному. Законодатель разъясняет, что у смердов выморочное имущество при отсутствии сыновей, т.е. единственных наследников по закону, наследует князь. У бояр и дружинников, представителей феодального класса, выморочность имущества в случае отсутствия сыновей не наступает – наследуют дочери. По наблюдению В.Н. Никольского, это соответствует общеславянской правовой практике, и очень схожую норму мы встречаем в сербском “Закон-

нике” Стефана Душана³⁵. При этом статья не дает ответа на вопрос о судьбе наследства в случае отсутствия дочерей. Однако можно предположить, что тогда наследство переходит в другой род через мужа дочери. Подобные примеры известны, когда, скажем, Ярославское княжество в XIII в. унаследовал Федор Ростиславович Черный в результате брака с Марией – единственной дочерью Василия Всеволодовича или когда посредством брака на Ядвиге великий князь Литовский Ягайло стал польским королем. Это обстоятельство позволяет сделать важный вывод о том, что существовавший порядок не предусматривал возможности перехода наследственной массы к другим родственникам наследодателя, в первую очередь к братьям.

Далее следует весьма важная ст. 92: “Аще кто умирая разделит дом свои детем, на том же стояти; паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души”. Стоит отметить, что именно данная статья устанавливает общие принципы наследования не только по завещанию, но и по закону. Это в свою очередь опровергает мнение ряда исследователей о том, что общие нормы, регулирующие порядок наследственного правопреемства, присутствуют и в других статьях, в частности о выморочности имущества смердов, бояр и дружинников³⁶.

Как мы уже говорили, в основе понимания этой статьи лежит дискуссия о свободе завещательной воли наследодателя.

Одни исследователи, и их большинство, считали, что упоминаемый в статье “ряд” касается только раздела наследственной массы между готовыми наследниками по закону. Следовательно, речь не идет о настоящем завещании, а лишь о распределении имущества между детьми³⁷.

Другие, напротив, полагали, что нормы данной статьи предоставляли завещателю возможность произвольно определять круг наследников и, соответственно, мы имеем дело с полноценным завещанием³⁸.

³⁵ См.: Никольский В.Н. О началах наследования. С. 364–366.

³⁶ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995. С. 489–490.

³⁷ См.: Никольский В.Н. О началах наследования. С. 340–341; Цитович П.П. Исходные моменты. С. 80–90; Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву. С. 35–46; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 487–492.

³⁸ См.: Беляев И.Д. История русского законодательства. С. 260; Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 537–541; Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 457–459.

³² См., например: Никольский В.Н. О началах наследования. С. 361; Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 126.

³³ См.: Беляев И.Д. История русского законодательства. М., 1997. С. 29.

³⁴ См.: Цитович П.П. Исходные моменты. С. 31, 46–49.

Проанализируем статью с учетом аргументов, которые использовались в литературе.

Очевидно, что статья впервые в истории древнерусского наследственного права устанавливает приоритет наследования по завещанию (или, если точнее, – по “ряду”) над наследованием по закону, предписывая, что если наследодатель, умирая, сделал завещательное распоряжение, то оно должно быть исполнено. И только в случае кончины без “ряда” имущество наследуется по закону.

Однако внимательное рассмотрение текста сразу наводит на мысль о значительной специфике древнерусского “ряда”, существенно отличающего его от римской практики, послужившей основой для византийского завещания.

С этим же вопросом связана имевшая место дискуссия о влиянии на древнерусское право, и в частности на Русскую правду, права византийского. Что касается Русской правды, то мысль о влиянии на ее текст Эклоги не находит обоснованного подтверждения. Напротив, Е. Черноусов, посвятивший этому специальное исследование, пришел к выводу об отсутствии сколько-нибудь заметных следов рецепции норм Эклоги в Русской правде. Так, он доказал, что нет оснований говорить о влиянии ст. 17 Русской правды и XVIII, 12 Эклоги, а также ст. 12 Русской правды и XVII, 7 Эклоги³⁹. Такого же мнения придерживается Е.Э. Липшиц во вступительной статье к изданию этого византийского законодательного свода VIII в.⁴⁰ С.В. Юшков, рассматривавший данную проблему, писал: “Вопрос о византийском влиянии... может быть окончательно решенным. Авторы специальных исследований привели исчерпывающие данные о том, что говорить о влиянии византийского права на Русскую правду нет никаких оснований”⁴¹. В любом случае предположения о влиянии Эклоги на Русскую правду не затрагивают ее статей о наследовании.

В работе Л.В. Милова была предпринята попытка доказать, что перевод Эклоги в составе сборника “Мерило праведное” был сделан на Руси не позднее XI в. Более того, историк утверждает, что редакторские вмешательства в текст

являются свидетельством того, что перевод имел в Древней Руси практическое значение⁴². Следует признать, что эти выводы сделаны без серьезного анализа юридического содержания памятника. Так, абсолютно неправдоподобно утверждение о том, что термин “задница” в древнерусском праве употреблялся не как эквивалент понятия наследства, а “лишь в точном определении имущества умершего без завещания и наследования этого имущества по силе закона”⁴³. В таком случае неясно, почему составитель Пространной Правды озаглавил весь раздел о наследовании, включавший, в том числе статью о наследовании по завещанию “О заднице боярстей и дружинней”. Показательно, что в статье 92 имущество, наследуемое по закону, не называется “задницей” именно потому, что в ее первой части говорится о наследовании по завещанию.

К тому же, если отойти от чисто формального текстологического анализа, а сосредоточиться на юридическом содержании, ситуация выглядит абсолютно иначе. Например, П.И. Беляев, проанализировавший состав древнерусских завещаний на материалах XIV–XVI вв., выявил несколько принципиальных отличий древнерусских завещаний от их византийских аналогов⁴⁴.

Во-первых, на русской почве довольно часто встречались так называемые коллективные завещания, что совершенно невозможно для римского и византийского права.

Во-вторых, в древнерусских завещаниях нередко присутствуют поручения выкупить вотчину у монастыря наследнику, что также противоречит классическим представлениям о природе завещания.

В-третьих, в наших завещаниях нередко присутствует указание второго или третьего наследника, которые наследуют после вступления предшествующего наследника в брак или пострижения в монахи при отсутствии потомства, что также невозможно в римском праве.

Наконец, и это весьма принципиально, в русском завещании порой не обязательно назначение наследников. Иногда их просто нет.

Н.Л. Дювернуа, проанализировавший древнерусские завещания на предмет их сходства с

³⁹ См.: Черноусов Е. К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. Юрьев, 1916. С. 303; см. также: Голенищев-Кутузов Д. Русская правда и Византия. М., 1913.

⁴⁰ См.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 24.

⁴¹ Юшков С.В. Русская правда. С. 365.

⁴² См.: Милов Л.В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1972. № 1. С. 142–63.

⁴³ Там же. С. 150.

⁴⁴ См.: Беляев П.И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897.

византийскими аналогами, писал: “Вся формальная сторона наших духовных грамот, цель их, их содержание совершенно иные”⁴⁵.

Ну а, кроме того, “ряд” по Пространной правде, как уже было сказано, – это даже не завещание в подлинном смысле этого слова, а распределение имущества между наследниками по закону. В византийском праве наследниками могли быть восходящие (отец, мать, бабка, дед), братья, супруги, не говоря уже о том, что по завещанию имущество могло перейти практически к любому лицу. В древнерусском праве такие варианты исключались.

Я.Н. Щапов, исследовавший хождение византийских и южнославянских правовых памятников на Руси убедительно доказал, что полные тексты Прохирона и Эклоги у нас появились лишь в XIII в. Что касается текстов этих памятников в древнеславянской Кормчей книге, имевшей ранее хождение на Руси, то там присутствует лишь краткая выписка из Эклоги о препятствиях к браку, а из Прохирона три титула: 7-й – трактующий вопросы брачного права, 24-й – об имуществе поступающего в монашество и 28-й – о поставлении епископов⁴⁶. К тому же эта Кормчая книга была известна в болгарском переводе с греческого. Разделы о наследственном праве из Эклоги и Прохирона в Древней Руси до XIII в. известны не были. Это вполне объяснимо, поскольку Номоканоны – сборники преимущественно церковного права. Любопытно, что по времени появление полных текстов византийских кодексов соответствует периоду возникновения Пространной правды. Это в первую очередь может свидетельствовать о том, что формирование древнерусского наследственного права шло независимо от византийского.

Такой вывод не позволяет использовать правовые принципы римского и византийского наследования по завещанию при рассмотрении особенностей наследования на основе древнерусского “ряда”.

Сторонники точки зрения о полной свободе завещательной воли по Пространной правде ссылались на редакцию, присутствующую в Синодальном списке памятника: “Аще кто умирая разделит дом, на том же стояти...”. Нетрудно заметить, что в тексте отсутствует упоминание детей как единственных наследников по “ряду”. Однако еще С.В. Юшков обращал внимание на то, что такой

текст присутствует только в Синодальном списке. Во всех остальных списках Пространной правды, в том числе более адекватно отражающих текст протографа говорится о разделе дома детям⁴⁷.

Уместно предположить, что смысл введения “ряда” заключался в минимизации конфликтов между детьми наследодателя при разделе наследственной массы. Этот раздел по “ряду” был освящен авторитетом отца. Кроме того, само понятие “ряд” в древнерусской практике чаще всего и в последующем имело значение “договор”, “соглашение”. Об этом писал А.Н. Попов: “Ряд означает распоряжение, происходя от слова “рядить”. Кроме того, слово “ряд” значит “договор”... В Польше “рада” значит “совет”. Это название указывает на влияние членов семейства на волю завещателя, вероятно, он делил имущество, посоветовавшись с членами семейства”⁴⁸. Этим словам вторит В.Н. Никольский: “Ряд, который давал умирающий отец своим детям, есть не что иное, как назначение участков, которыми должны владеть дети после его смерти”⁴⁹.

Итак, проведенные нами исследования источников, регулирующих частнопредметное наследование на Руси до начала XIII в., позволяют сделать следующие принципиально важные выводы.

Вплоть до появления наследственных статей Пространной редакции Русской правды, которое, по нашему мнению, произошло в начале XIII в., на Руси безраздельно господствовало наследование по закону.

Основные правила древнерусского наследования по закону были следующие:

1. Круг наследников по закону включал только сыновей наследодателя. При этом в него не входили супруга, дочери, восходящие и боковые родственники.
2. Соответственно, при отсутствии сыновей имущество объявлялось выморочным. В этом случае после смерти наследовал князь, а в феодальном классе к наследованию могли быть допущены дочери.
3. В составе наследственной массы всегда предусматривалась обязательная доля, идущая церкви на помин души, и доля вдовы, которой она владела пожизненно в случае невступления в повторный брак.

⁴⁷ См.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 458–459.

⁴⁸ Попов А.Н. Об опеке в связи с общественным бытом Древней Руси. Юридические записки. Т. II. М., 1842. С. 110–111.

⁴⁹ Никольский В.Н. О началах наследования. С. 340–342.

⁴⁵ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. С. 320.

⁴⁶ См.: Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 235.

4. Дочери не входили в круг наследников по закону, но имели право на получение части имущества отца при вступлении в брак в качестве приданого.

5. Отцовский дом всегда получал младший из сыновей.

Наследование по завещанию появляется только в Пространной правде в начале XIII в. При этом оно было облечено в специфическую правовую

конструкцию “ряда”. По своей юридической природе “ряд” коренным образом отличается как от византийского завещания того периода, так и от современного завещания. Фактически “ряд” лишь закреплял порядок, предусмотренный наследованием по закону, и, как следствие, ни о каком завещательном произволе не могло быть и речи. Это обстоятельство, как и другие перечисленные выше, исключает возможность рецепции византийского наследственного права.